

Тадеуш Пахольчик

К вопросу о глоттодидактических обусловленностях билингвизма

Studia Rossica Posnaniensia 27, 309-314

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

К ВОПРОСУ О ГЛОТТОДИДАКТИЧЕСКИХ ОБУСЛОВЛЕННОСТЯХ БИЛИНГВИЗМА

SOME GLOTTODIDACTIC IMPLICATIONS OF BILINGUALISM

ТАДЕУШ ПАХОЛЬЧИК

ABSTRACT. The main goal of paper is to present glottodidactic implications of bilingualism, with a special consideration of natural bilingualism, which may be relevant in modelling acquired trilingualism.

Tadeusz Pacholczyk, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Если учесть все более развивающиеся международные отношения в различных областях, можно сказать, что усвоение нескольких или минимум двух иностранных языков это потребность времени.

Общезвестно, что усвоение каждого языка может совершаться в естественных и искусственных условиях или в их разных сочетаниях. В связи с тем, что для подавляющего большинства людей существует реальная возможность усвоения иностранного языка исключительно в искусственных условиях, в результате сознательной деятельности, выдвигается как особая исследовательская проблема – моделирование параллельных курсов двух иностранных языков. Нужно подчеркнуть, что это сравнительно новая глоттодидактическая проблема и до сих пор она не нашла еще своего научного обоснования. Многоаспектность этого вопроса требует учета ряда более детальных проблем, к которым можно причислить языковые, межъязыковые, психологические, дидактические, социологические и культурные обусловленности.

Основная цель наших рассуждений – показать те глоттодидактические импликации билингвизма, главным образом естественно-го, которые могут оказаться релевантными для моделирования искусственного трилингвизма. Искусственный трилингвизм, а точнее искусственную трилингвизацию, мы понимаем как рационально организованные формы параллельного обучения двум иностранным языкам.

Исходной предпосылкой, обосновывающей данную цель, является высокая степень аналогичности между процессами билингвизации, трилингвизации и мультилингвизации (если они совершаются в естественной среде) и глоттодидактическими процессами, если эти последние мы будем обсуждать с точки зрения изучающего иностранный язык или языки в искусственных условиях. Кроме того, процессы мультилингвизации, и прежде всего билингвизации, получили массовый характер значительно раньше, чем процессы, совершающиеся и исследованные в прикладной глоттодидактике¹.

Билингвизм характеризуется спонтанностью и естественностью аквизиции языка. Это можно считать следующей предпосылкой к положению, что сведения и выводы, вытекающие из исследований естественного билингвизма, могут содействовать разъяснению и эффективизации деятельности, целью которой является формирование искусственного билингвизма или трилингвизма.

Основной тезис наших рассуждений и указанные выше предпосылки требуют некоторых терминологических уточнений. Термин „билингвизм” принадлежит к неоднозначным терминам. Все исследователи согласны, что проблема в этом случае касается умения пользоваться двумя языками. Некоторые склонны говорить о билингвизме в том случае, когда данный человек овладел двумя языками в такой степени, в какой владеют ими носители языка², другие только тогда, когда усвоил два языка одновременно в детстве³, а третьи — когда человек употребляет два языка альтернативно, в зависимости от категории коммуникативной ситуации⁴.

Не детализируя эти точки зрения, можно сказать, что „билингвизм” — это умение пользоваться двумя языковыми кодами в коммуникативных целях⁵. Можно выделить: координатный билингвизм, который является результатом одновременной аквизиции двух языков, и подчиненный билингвизм, когда овладение вторым языком совершается посредством исходного языка. Нужно в этом месте подчеркнуть, что на практике трудно найти определенный

¹ F. Grucza, *Glottodydaktyczne implikacje bilingwizmu*. В: F. Grucza (ред.), *Bilingwizm a glottodydaktyka*, Warszawa 1981, с. 9.

² См., напр.: L. Bloomfield, *Language*, New York—Chicago—San Francisco—Toronto 1963, с. 56.

³ См., напр.: S. Arsenian, *Bilingualism and Mental Development*, New York 1937, с. 81.

⁴ См., напр.: U. Weinreich, *Languages in Contact. Findings and Problems*, New York 1953, с. 1.

⁵ A. Szulc, *Podręczny słownik językoznawstwa stosowanego*, Warszawa 1984, с. 46.

тип билингвизма в чистом виде. Обычно наблюдается превосходство одного или другого типа⁶.

Билингвизм – это самое элементарное проявление мультилингвизма. Этот последний в действительности можно считать умноженным билингвизмом. Следует, однако, отметить, что между, например, би- и трилингвизмом выступают не только различия количественного, но также качественного характера, которые возникают в результате многократного пересечения языковых систем.

Формирование билингвизма или трилингвизма можно определить соответственно как билингвизацию или трилингвизацию.

Учитывая разные варианты билингвизма и плавность границ между ними, можно предложить следующие критерии, которые могут выступать в каждой билингвальной ситуации независимо от ее типа⁷:

- уровень билингвизма;
- параметры процесса языковой аквизиции (аквизиция первого или второго языка);
- параметр возраста в усвоении второго языка;
- способ усвоения второго языка;
- отношение ко второму языку.

Следует отметить, что каждый из перечисленных выше критериев билингвизма характеризуется большой долей релевантности для моделирования искусственного трилингвизма.

В рамках статьи, в силу объективных причин, вызванных ограничением места, более детально рассмотрим лишь следующие вопросы: параметры процесса языковой аквизиции в билингвизме (аквизиция первого и второго языка) и параметр возраста в усвоении второго языка.

Анализируя первый вопрос, т.е. аквизицию первого и второго языка, нужно решить в первую очередь проблему качественных различий в этой аквизиции. По нашему глубокому убеждению, каждой попытке решения этой проблемы должно предшествовать разъяснение, каким образом совершается аквизиция первого языка, т.е. исходного языка.

Большинство исследователей, изучающих язык ребенка⁸, разделяет взгляд, что роль аналогии и имитации в процессе языковой аквизиции уходит на второй план и имеет второстепенный характер. Роль ребенка не ограничивается пассивным накоплением

⁶ W. Marton, *Nowe horyzonty nauczania języków obcych*, Warszawa 1976, с. 92.

⁷ W. Woźniakowski, *Glottodydaktyczna relewancja badań nad bilingwizmem*. В: *Bilingwizm a glottodydaktyka*, укр. соч., с. 43.

⁸ См., напр.: D. McNeill, *The acquisition of language*, New York 1970.

готовых языковых эталонов, которые даст окружающая среда. Воспринимаемые сообщения ребенок анализирует, используя с этой целью усвоенные раньше языковые и внеязыковые знания и на этой основе делает обобщения, касающиеся структуры сообщения. Ряд таких обобщений позволяет ребенку выдвинуть определенную гипотезу применительно ко всей языковой среде. Новые опыты и новые обобщения на основании новых текстов ведут к модифицированию гипотез и их пополнению, что в итоге позволяет ребенку реконструировать образцовую языковую систему.

В так понимаемом процессе языковой аквизиции очень существенную роль играют интеллектуальные процессы, которые нуждаются еще в детальном освещении. Нужно добавить, что связи между языком и уровнем интеллектуального развития нельзя рассматривать ни как полную независимость, ни как одностороннюю зависимость. Во всяком случае, процесс языковой аквизиции, по нашему мнению, нельзя обсуждать в отрыве от интеллектуального развития, если учесть фактор креативности в усвоении языка.

Возникает следующий вопрос: отличается ли по своему существу процесс аквизиции второго языка от представленного раньше процесса аквизиции первого языка. Если отбросим аналогии между этими процессами, тогда получаем две возможности:

– аквизиция второго языка совершается путем имитации и пассивного накапливания готовых языковых эталонов, т.е. таким образом, который не нашел своего подтверждения в случае аквизиции первого языка;

– аквизиция второго языка совершается главным образом путем переноса предварительно сформированных речевых навыков и умений.

Принятие второй возможности легло, как нам кажется, в основу концепции контрастивных анализов, которые путем открытия источников языковой интерференции могли бы способствовать преодолению этого явления (т.е. интерференции) и определению уровня трудностей в усвоении языковых структур. В свою очередь это позволило бы определить последовательность определенных структур в аквизиции языка.

Существуют реальные предпосылки, позволяющие прийти к выводу, что эти способы аквизиции второго языка мало убедительны. Так, неоднократно было доказано⁹, что в некоторых случаях даже больше чем половину замеченных ошибок трудно объяснить интерференцией первого языка. Очень часто интерференция

⁹ См., напр.: S. M. Erwin-Tripp, *Is second language learning like the first?*, TQ 1974, № 8, с. 117.

обусловлена совсем случайными, мало существенными с точки зрения языковой аквизиции, факторами, такими как: утомление, эмоциональное напряжение и другие. Кроме того, оказывается, что контрастивный анализ не является эффективным орудием при определении относительных трудностей языковых структур¹⁰. В аквизиции второго языка, аналогично как в случае первого языка, в первую очередь подлежат усвоению языковые структуры, имеющие ключевое значение в восприятии сообщений. Появляются более убедительные исследования, подтверждающие аналогичную аквизицию второго языка в сопоставлении с первым¹¹.

Последняя из намеченных проблем, релевантных для моделирования трилингвизма, это параметр возраста в усвоении второго языка.

Общезвестно, что ребенок без особых трудностей в состоянии овладеть несколькими языками, если с самого раннего детства будет систематически воспринимать эти языки. Оптимальным возрастом, когда лучше всего начинать усвоение второго языка, считается десятилетний возраст. После достижения этого возраста эта особая способность ребенка понижается.

На основании наших рассуждений на тему интеллектуальных процессов в билингвизме можно опровергнуть тезис, касающийся вредного влияния билингвизма на умственное развитие. Мало убедительны также выдвинутые в свое время¹² гипотезы о том, что билингвизация, начатая раньше восьмого года жизни ребенка, может привести к смещению языковых систем. Такой точке зрения противоречат другие исследования¹³. Кроме того, полное разграничение двух языковых систем кажется невозможным.

Параметр возраста играет очень существенную роль в усвоении второго языка взрослыми. Доминирует убеждение, что взрослый в изучении иностранного языка либо обречен на неудачу, либо в состоянии достичь лишь частичного успеха. Это находит мнимое научное обоснование в результате исследований в области нейрофизиологии¹⁴. Собранные данные позволяют полагать, что существует критический период в языковой аквизиции, обуслов-

¹⁰ W. Marton, *Programowanie kursu językowego a kognitywne podejście do nau czania języków obcych*. В: F. Grucza (ред.), *Glottodydaktyka a lingwistyka*, Warszawa 1976, с. 66.

¹¹ См., напр.: S. P. Cor der, *Idiosyncratic dialects and error analysis*, „International Review of Applied Linguistics” 1971, № 9, с. 147-159.

¹² L. Zabrocki, *Językoznawcze podstawy metodyki nauczania języków obcych*, Warszawa 1966, с. 53.

¹³ W. F. Leopold, *Bibliography of child language*, Evanston-Chicago 1952.

¹⁴ См., напр.: E. Lenneberg, *The biological foundations of language*, New York 1967, с. 177-180.

ленный физиологическими процессами созревания, в частности, процессом латерализации полушарий головного мозга. Процесс латерализации завершается в возрасте двенадцати-тринадцати лет. Это одновременно завершение, так называемой, естественной языковой готовности. Если даже критический период в языковой аквизиции действительно существует, то одновременно нет оснований считать его критическим для языковой аквизиции вообще. Иначе, нет оснований, чтобы полагать, что после завершения процесса латерализации полушарий головного мозга исчезает способность совершать операции, имеющие ключевое значение в аквизиции языка.

Нам кажется, что вопрос оптимального возраста в аквизиции второго языка нельзя решать слишком принципиально. Преимущество раннего усваивания второго языка заключается в том, что в таком случае чаще всего выступает более длительный контакт с иностранным языком, создаются лучшие возможности овладеть произношением и прежде всего интонацией. В действительности особая способность ребенка ограничивается этими факторами.

Следует подчеркнуть, что существуют убедительные исследования, подтверждающие тезис о том, что взрослые изучают иностранные языки быстрее и эффективнее, чем дети, из-за сильно действующей мотивации¹⁵.

Подытоживая наши рассуждения на тему билингвизма, мы пришли к следующим выводам:

– аквизиция языка (исходного и второго) – это интеллектуальный процесс, в котором аналогия и имитация играют второстепенную роль;

– вопросы контрастивных анализов и интегрально связанные с ними проблемы интерференции первого языка нельзя преувеличивать, они равноправны с другими психологическими и психофизиологическими процессами в аквизиции второго языка;

– существует определенная аналогичность в усвоении двух языков, особенно если учесть явление переноса;

– параметр возраста нельзя решать слишком принципиально.

По нашему глубокому убеждению, выдвинутые выше детальные выводы можно считать релевантными для моделирования искусственного трилингвизма.

¹⁵ K. C. Diller, *The Language Teaching Controversy*, Rowley Mass, 1978; Приножу за: J. Arabski, *O przyswajaniu języka drugiego (obcego)*, Warszawa 1985, с. 58.